

Удавшаяся «имплантация» и неудавшаяся имплантация

Я познакомился с Сергеем Козловым в начале 1990-х годов на Тыняновских чтениях, организованных Мариэттой Омаровной Чудаковой. Это было время, когда отечественное литературоведение (как, впрочем, и другие гуманитарные науки) находилось в глубоком кризисе. Годами насаждаемый разными Николаевыми и Овчаренками вульгаризованный советский вариант марксизма не позволял осмыслить процессы, идущие в литературе. Поскольку иные теории использовать не дозволялось, то отечественные историки литературы в подавляющем большинстве вообще отказались от теории, так как «материал сам за себя говорит». В худшем случае иллюстрировались партийные лозунги, в лучшем — вводились в оборот новые источники, делались частные наблюдения, подробно комментировались классики. При этом, как это ни парадоксально для «исторического материализма», материальная сторона литературного процесса (социальная и экономическая ситуация в стране в период публикации изучаемых произведений, а также книгоиздание, книготорговля, библиотеки, пресса, цензура, читательская аудитория и т.д.) оставалась почти без внимания, на первый план выходили «идеи и образы», то есть литературные произведения, оторванные от процессов их восприятия (а все перечисленные мной институты тоже участвуют в создании литературных произведений) и интерпретированные по романтической схеме как творения писателя-гения. Единственная немарксистская отечественная литературная теория того времени — структурализм — подвергалась огульной (а не конструктивной) критике, а излагавшие ее тексты были малодоступны. Такие вопросы, как границы литературы и литературного произведения, смысловые структуры читательского восприятия, характер рецепции литературного произведения, принципы построения истории литературы, роль литературной традиции, механизмы конструирования института классики, массовая литература как социальный феномен даже не были проблематизированы.

Это было время, когда, по характеристике М.О. Чудаковой, литературоведы среднего возраста

в значительной мере были лишены возможности работать в научно-исследовательских институтах или университетах и планомерно публиковать хотя бы часть своей научной продукции, доносить до студенческой аудитории свои знания и идеи. В большинстве своем они были вытеснены семидесятыми годами <...> на периферию институционализированной научной жизни — в экологические ниши группкома литераторов, отдела крупной библиотеки, литчасти театра... В этих нишах совершалась уединенная работа на свой страх и риск...¹

---

1 М.Ч. [Чудакова М.О.] От редактора // Тыняновский сборник: Четвертые Тыняновские чтения / Отв. ред. М.О. Чудакова. Рига: Зинатне, 1990. С. 6.

После так называемой перестройки в 1992 году возник журнал «Новое литературное обозрение», ставивший, в частности, своей задачей найти новые подходы к изучению литературы. Поэтому важной его частью стал отдел «Теория» (наряду с «Историей», «Практикой» и «Библиографией»), в котором с первого номера печатались материалы Сергея Козлова. В 1996 году он стал членом редакции и проработал в журнале по 2002 год, а в дальнейшем нередко печатался там. Его деятельность в журнале, довольно интенсивная, была очень важна и для НЛО, и для отечественного литературоведения.

Козлов со студенческих времен проявлял интерес к теории. Его кандидатская диссертация 1985 года назвалась «Проблема рококо и французское литературное сознание XVII—XVIII веков», его первой публикацией в «Тыняновских сборниках» стала статья «Литературная эволюция и литературная революция: к истории идей» (1990). В НЛО он представил читателю в образцах и сопутствующих статьях широкий спектр теоретических исканий западных гуманитариев: структуралиста Майкла Риффатерра (1992. № 1), историка Карло Гинзбурга (1994. № 8); семиотика Умберто Эко (1996. № 21), философа Джорджо Агамбена (2000. № 44) и др. Причем если начинал он с самых разных идейных течений, то с конца 1990-х годов все больше тяготел к социологии (прежде всего — литературы) и как редактор подготовил (со своими предисловиями) восемь блоков социологических статей: «Социология литературного успеха» (1997. № 25), «Социология поколений» (1998. № 30), «Социология литературного успеха: отклики на статью Михаила Берга “Гамбургский счет” (“НЛО” № 25)» (1998. № 34), «Социология маргинальности» (1999. № 37), «Социология чувств: запахи» (2000. № 43), «Социология культурных полей» (2000. № 45), «Социология авторского права» (2001. № 48), «Литературный канон как проблема» (2001. № 51). Кроме того, под редакцией Козлова и при его активном участии как переводчика была издана книга французского социолога К. Шарля «Интеллектуалы во Франции: Вторая половина XIX века» (М., 2005).

Сергей и сам стал работать в этом ключе. Это ярко продемонстрировала книга «Имплантация: очерки генеалогии историко-филологического знания во Франции» (М., 2020) — замечательная монография, которая мне, например, многое прояснила в механизмах научной инновации. В основу ее легла докторская диссертация, работать над которой Козлов начал в конце 2000-х годов² и так и не успел защитить. Книга оказалась настолько «прорывной», настолько непривычной, что вызвала лишь одну рецензию, где она рассматривалась

2 См. промежуточные публикации: Сообщество выскочек: «Субъективный фактор» реформы высшего образования во Франции эпохи Второй империи // Новое литературное обозрение. 2009. № 100. С. 583—606; «Внедрить Германию во Францию»: культурные предпосылки идеологии науки у Эрнеста Ренана // Новое литературное обозрение. 2010. № 104. С. 11—28; Филология по-французски: ренановская концепция филологии в историко-научном контексте // Гуманитарные чтения РГГУ — 2010. М.: РГГУ, 2011. С. 100—131; Из истории интеллектуального предпринимательства во Франции: как была создана Практическая школа высших исследований // Пермьяковский сборник. М.: Новое издательство, 2010. С. 400—442; Эрнест Ренан: филология как идеология. М.: РГГУ, 2012; Эволюция французской образовательной модели в XIX веке // Отечественные записки. 2013. № 4. С. 60—84; La IVe Section de l'EPHE et le Collège de France: genèse d'une symbiose institutionnelle // De la philologie allemande à l'anthropologie française: Les sciences humaines à l'EPHE (1868—1945) / Sous la direction de C. Trautmann-Waller. Paris: Honoré Champion, 2017. P. 61—72.

лишь в аспекте истории Франции³, даже в «родном» НЛО не было обсуждения в рубрике «Книга как событие». Поэтому кратко остановлюсь на ней.

Книга состоит из нескольких глав, каждая из которых представляет собой отдельное исследование, но в целом они освещают процесс усвоения французской гуманитарной наукой немецкого опыта преподавания и немецкого подхода к науке, ориентированного на производство нового знания.

В начале автор констатирует, что

во Франции XIX века онаучивание гуманитарного знания наткнулось на мощную преграду, состоявшую из целого набора институциональных барьеров и освященных традиций стереотипов мышления и поведения. Фактически все устройство французской культуры препятствовало превращению гуманитарного знания в строгую науку. Мысль о гуманитарных изысканиях как о профессиональной исследовательской работе, оплачиваемой государством и родственной естественнонаучным исследованиям, — мысль эта находилась в вопиющем противоречии со всей системой ценностей и функций, сложившихся во французской культуре Старого порядка и подтвержденных как в наполеоновскую эпоху, так и при Реставрации, а затем и при Июльской монархии. Сама возможность применять к гуманитарным занятиям слово *наука* (*science*) была первоначально немыслима для этой культуры (с. 12).

Козлов поставил себе целью изучить, как французская практика высшего гуманитарного образования перестраивалась по немецкому образцу. Для этого он тщательно и подробно проследил изменения в отношении к гуманитарной науке во французском обществе и в государственных институтах образования и научно-исследовательской деятельности, которые сделали это возможным.

Но его книга — не историческая монография, он не пишет последовательную историю, а намечает и характеризует ключевые моменты этого процесса, уделяя много внимания культурным французским традициям (прежде всего отношению к гуманитарным наукам) и институциональным факторам, блокировавшим инновации, с одной стороны, и сделавшим возможность изменения системы — с другой.

В первой главе Козлов показывает, каким образом во Франции исторически складывалась установка на гуманитарные исследования как на развлечение в свободное время, а не на профессию. Он описывает, как в XVI—XVII веках формировалась сеть иезуитских коллежей, которую в XIX веке сменила сеть лицеев, но суть и тех и других была единой — подготовить «приличного человека» (*honnête homme*), который может участвовать в светском общении. В этих учебных заведениях складывалось противопоставление «приличного человека» специалисту, а словесности — науке. Наука в рамках подобных представлений связана с работой и призвана приносить пользу, а словесность ассоциировалась с досугом и должна была доставлять удовольствие (с. 41).

В коллежах главное внимание уделялось изучению древних языков, учащимся прививалось умение красиво говорить и писать (с. 57), а в отношении исторических знаний рекомендовалось быть умеренными, их роль была подсобной.

3 См.: Дементьев И.О. Истоки великой гуманитарной науки: размышления над книгой Сергея Козлова // Философия: журнал Высшей школы экономики. 2020. Т. 4. № 3. С. 230—248.

В лицеях стали изучать и математику, но ей уделялось мало внимания, на первом месте тут тоже были язык и литература, но уже французские. Козлов подчеркивает, что «главная статусно-символическая практика, отличавшая и объединявшая французские элиты XVII—XVIII веков, — практика светского общения» (с. 67—68).

Во второй главе описываются безуспешные попытки (с 1830-х годов) перестроить университетское образование во Франции и предпосылки изменений, прежде всего «двукамерность» французского образования: с одной стороны, отдельные факультеты в разных городах, объединенные в единый для всей Франции университет, с другой — «уникальные внеуниверситетские заведения, находящиеся преимущественно в Париже» (с. 123). Однако постепенно в 1860-х годах происходит общественное осознание необходимости реформы высшего образования.

В третьей главе подробно характеризуются взгляды и деятельность Эрнеста Ренана — инициатора борьбы за реформу университетов по немецкому образцу, «создателя идеологии историко-филологических наук во Франции» (с. 180).

В четвертой главе рассматривается, какие обстоятельства способствовали созданию в 1868 году по немецкой модели Практической школы высших исследований, «фактически единственного учреждения, обеспечивающего воспроизводство исследовательской деятельности для большинства гуманитарных специальностей» (с. 269).

Имплантации немецкой модели высшего образования, ориентированного на подготовку ученых, а не преподавателей, мешали представления французов о культуре и об управлении (французская бюрократическая модель). Французские университеты, ориентированные на передачу знаний, а не на их производство, всячески блокировали инновации. Практическая школа и впоследствии наука высокого уровня возникли, как показал Козлов, благодаря двум механизмам: 1) построению «обходных путей», то есть созданию научных учреждений вне университетской системы; 2) «вертикальному сговору» — так называет Козлов совместное действие, во-первых, некоего идеолога и инициатора реформ, во-вторых, союзника в высшем управленческом звене и, наконец, в-третьих, «лобби», то есть группы авторитетных ученых, поддерживающих инновацию. Во Франции все это сошлось, что обеспечило успешную имплантацию.

Главная ценность монографии Козлова состоит не в том, что он пишет о том, как заимствовалась чужая теория, а в том, что он подробно реконструирует, как заимствовались (имплантировались) *чужие* институциональные механизмы, позволяющие вырабатывать *свою* теорию и *свою* методологию.

Когда я читал книгу Козлова, я все время сравнивал ситуацию с наукой и образованием во Франции и в России. Сергей полагал, что «параллели между французскими и русскими моделями и случаями столь многочисленны, что составить тут исчерпывающий список вряд ли возможно» (с. 275). Это так. Но можно составить и большой список различий.

Отмечу вначале сходство, которое частично связано с мощным культурным влиянием французской культуры на русскую во второй половине XVIII — начале XIX века. Это прежде всего низкий статус литературы и науки в этот период в обществе. Дворянину было не престижно и даже неприлично заниматься ими профессионально. Культура в России тоже была централизована, и заниматься литературой и наукой можно было почти исключительно в сто-

лицах. И здесь, как и во Франции, помимо университетов, были обходные пути для занятий гуманитарными науками: мощная Академия наук, а также литературные и исторические общества, нередко выпускавшие свои труды.

Однако, в отличие от французских университетов, в XIX веке по сути ликвидированных (существовали только отдельные факультеты), в построении сети российских университетов за образец были взяты немецкие, с полным набором факультетов (отсутствовали только богословские факультеты, поскольку подготовкой богословов занимались духовные академии). Для повышения уровня университетской науки с 1840-х годов наиболее талантливые ученые регулярно посылались на стажировку, главным образом в Германию или в Дерптский университет, который тоже был немецким (некоторые ездили слушать лекции за свой счет), а в 1863 году было официально введено оставление при университете «стипендиатов для приготовления к профессорскому званию». Это позволило повысить качество подготовки будущих ученых. В результате с 1860—1870-х годов стал расти уровень университетской гуманитарной науки, достаточно назвать таких ученых, стажировавшихся за границей, как С.М. Соловьев и Александр Н. Веселовский.

В советский период власти многое сделали, чтобы понизить уровень гуманитарной науки, и достигли в этом больших успехов. Выше я писал, что догматизированный марксизм отбил у ученых интерес к теории, процветали описательность и методологическая наивность.

Сергей Козлов сам пытался имплантировать западную теорию, как в своих публикациях, так и преподавая в вузах, которые были ориентированы на такую имплантацию (РГГУ, Московская высшая школа социальных и экономических наук, Высшая школа экономики). И книга его выросла, на мой взгляд, из размышлений над подобными попытками. Думаю, что основной причиной был слабый успех этих попыток.

Да, в постперестроечный период возникли (как во Франции) «дополнительные учреждения» (упомянутые в предыдущем абзаце, а также Европейский университет в Санкт-Петербурге и т.п.). Многое ими было сделано... Их окончили многие молодые ученые, которые продуктивно работают в науке. Методологический уровень ряда исследователей вырос. Однако РГГУ постепенно «посерел» и стал таким же, как и прочие государственные университеты, Европейский университет столкнулся с ограничениями, да и «Вышка» работает не без трудностей. Прорыва за прошедшие более чем три десятка лет не достигнуто. Западную гуманитарную науку мы, условно говоря, не догнали, интерес к теории и методологии у большинства исследователей так и не возник.

Усвоение западных теорий идет слабо, заимствуются ключевые теоретические положения, разработанные для чужого социального и культурного опыта, и применяются без учета российской специфики и без творческого развития, учитывающего эту самую специфику. Характерно, что в литературоведении все еще остается единый вариант классики (лишь немножко «подретушированный» в последнее время), попыток создать иной канон нет; даже не написаны истории отечественных женской, детективной и научно-фантастической литературы, хотя произведения соответствующих видов и жанров в большом числе издавались в XIX—XX веках. Л.Д. Гудков еще в 1990 году писал, что

необходимо расширение спектра теоретических и методических идей теми, кто еще может что-то делать, расширение за счет использования опыта философии культуры и дисциплин, связанных с изучением культуры...), либо (точнее, не «либо», а «плюс») изучение литературы как сферы русской культуры, ее основных структур, ее силовых линий, устройства. Просто заимствование западного понятийного аппарата ничего не даст, поскольку он разработан под другие вещи, под другие смысловые образования. Надо создавать свой инструментарий для изучения весьма своеобразной, глубоко фрустрированной, невротической, релятивистской культуры периферийного и подражательного общества, с его пластами двуязычий, фантомными болями, вызванными «несуществованием» абсолютов, культуры театральной, временами заигрывающей настолько, что она начинает верить в то, что она живет, а не изображает жизнь других⁴.

Вот этот *свой* инструмент, оригинальные концептуальные подходы к изучению отечественной истории и отечественной литературы не возникли. В этом направлении сделаны пока лишь первые робкие шаги. Там, где делались подобные попытки (напомню про разработки самого Л.Д. Гудкова и Б.В. Дубина⁵), они остались почти без продолжения.

С горечью должен признать, что за постсоветские десятилетия (и еще до новейших и очень тревожных перемен в противоположную сторону закрытости) в нашей стране подобная реформа, обеспечившая Франции место среди лидеров гуманитарной науки, оказалась невозможна: не было ни идеологов реформы и продуманной ее концепции, ни группы крупных ученых, способных продвигать ее, ни, главное, лиц в руководстве наукой, которые поддержали бы этот проект.

---

4 Гудков Л.Д. Письмо М.О. Чудаковой // Пятые Тыняновские чтения: тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига: Зинатне, 1990. С. 306—307.

5 См.: Гудков Л.Д., Дубин Б.В. Литература как социальный институт. 2-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2020; Дубин Б.В. Слово — письмо — литература: очерки по социологии современной культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2001; Он же. Интеллектуальные группы и символические формы: очерки социологии современной культуры. М.: Новое издательство, 2004; Он же. Классика, после и рядом: социологические очерки о литературе и культуре. М.: Новое литературное обозрение, 2010; Он же. Очерки по социологии культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2017.